

РАЗСКАЗЪ ПЛАСТУНА.

(ИЗЪ ВЫЛАГО).

(ПОСВЯЩАЕТСЯ И. П. ЯКОВУ ГЕРАСИМОВИЧУ КУХАРЕНКО).

Весною 1857 года, въ послѣднихъ числахъ марта, я ѣхалъ по дѣламъ службы изъ Керчи въ Екатеринодаръ, и на Темрюкской станціи встрѣтилъ хорошаго своего знакомаго, хсрунжаго К....ко, предложившаго мнѣ, вмѣсто почтовой ѣзды на тряской телѣгѣ, отправиться съ нимъ, по кордонной Черноморской козачьей линіи, верхомъ. Спѣшить мнѣ было некуда, и потому я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе К....ко, имѣя въ виду познакомиться съ Кубанской линіей, охраняемой черноморскими козаками.

У хорунжаго оказалось чуть ли не восемь лошадей и четыре человѣка козаковъ, служившихъ ему конвоемъ.

Видъ прекраснаго коня, назначеннаго мнѣ для путешествія, и богатаго прибора, произвелъ на меня, измученнаго тряскою перекладной, самое благотворное дѣйствіе. Вложивъ ногу въ стремя и усѣвшись на мягкую подушку, я почувствовалъ въ себѣ какое-то перерожденіе и ощутилъ довольно силъ, чтобы совершить путешествіе безъ особенной усталости.

Поѣздъ двинулся. Дорогой я замѣтилъ, что пріятель мой, имѣя нѣсколько вьючныхъ лошадей, на которыхъ везлись различнаго рода закуски, не испытывалъ и сотой доли тѣхъ неудобствъ, которымъ подверженъ путешественникъ въ странѣ, мало цивилизованной и мало населенной.

Погода была ни тепла, ни холодна; уже кое-гдѣ показывалась зелень, фіалки и незабудки красовались на громадныхъ степныхъ пространствахъ, верба распускалась и воздухъ какъ-то дышалъ теплѣе мартовскаго. Даже ласточки появились и, суетясь передъ нашими лошадьми, чирикаемъ своимъ напоминали, что прошла зимняя пора.

Первый переѣздъ черезъ лиманы и камыщи мы совершили пріятно. Упоенный ароматическимъ воздухомъ и погруженный въ созерцаніе громадныхъ пространствъ степей, камышей, лѣсовъ и рисующихся вдаль, какъ въ туманѣ, горъ, я и не замѣтилъ, какъ пробѣжало время въ пути.

Пріѣхали къ Андреевскому посту, гдѣ, казалось, можно было удобно помѣститься, и я предполагалъ, что мы остановимся тутъ ночевать; но пріятель мой предложилъ отправиться далѣе къ Варениковской пристани, укрѣпленію по ту сторону Кубани, гдѣ онъ имѣлъ дѣло и располагалъ переночевать. Я съ удовольствіемъ согласился, и мы отправились.

Вправо и влѣво отъ дороги, ведущей изъ Андреевскаго поста къ Варениковской пристани, разливаются обширные лиманы и протоки, чрезъ которые переброшены мостки и идетъ на нѣсколько верстъ дамба; рѣка Кубань змѣеобразно извивается въ этомъ мѣстѣ: то подходит къ Андреевскому, не болѣе какъ на полторы версты, то удаляется отъ него за пять, за шесть верстъ. Какъ лѣвый, такъ и правый берегъ ея покрыты почти сплошной массой высокаго камыша, изъ котораго въ безпорядкѣ выглядываютъ толстыя и старыя вербы, сребристый тополь и другія деревья этой флоры.

Вотъ ближе къ Кубани.... Съ шумомъ и трескомъ прорывая глинистое и иловатое русло свое, оборвавъ берега въ значительную крутизну, катитъ она свои мутныя волны по торчащимъ кореньямъ и изломаннымъ деревьямъ, прямо къ Черному морю.

Пробѣхавъ еще нѣсколько, изъ-за густыхъ вербъ, при крутомъ поворотѣ рѣки, мы увидѣли блокгаузъ, за нимъ Варениковское укрѣпленіе. Одиноко стоитъ оно у подошвы начинающихся горъ и защищаетъ ближайшій путь отъ набѣговъ горцевъ

на станицы и слабую кордонную линію; а во время разлитія Кубани подаетъ помощь мелкимъ бекетамъ.

Варениковское укрѣпленіе, ключъ къ воротамъ при-кубанскихъ народовъ, въ былое время служило мѣстомъ отдохновенія при движеніи отрядовъ отъ восточнаго берега Чернаго моря. Черезъ него предполагали провести прямую дорогу отъ упраздненной въ прошедшую войну Черноморской береговой линіи къ землѣ Черноморскихъ козаковъ.

Постройки нынѣшнихъ укрѣпленій, вблизи отъ Варениковскаго, запрутъ окончательно дорогу племенамъ Натугайскому и Шапсугскому, а такое стѣснительное положеніе заставитъ ихъ, вѣроятно, скоро отказаться отъ враждебныхъ отношеній къ намъ, а быть можетъ даже и покориться.

Всякому понравится Варениковское укрѣпленіе; въ особенности хорошъ построенный недалеко отъ него блокгаузъ, облитый кругомъ водою: командуя надъ всею мѣстностію, гордо смотритъ онъ на Закубанье, а вотъ еще выше его, на вѣтвяхъ разросшейся вербы прилѣпилась, подобно орляному гнѣзду, маленькая помостка съ незначительной соломЕННОЙ крышей, и на ней—то спокойно, перейдя какъ бы весь въ слухъ и зрѣніе, облокотившись на ружье, постоянного своего спутника въ жизни, стоитъ караульный черноморскій козакъ: онъ сторожитъ миръ и спокойствіе своихъ родимыхъ станицъ, расположенныхъ по рѣкѣ.

Взглянувъ пристальнѣе въ эту картину, оживленную золотисто-красными лучами заходящаго солнца, я невольно подумалъ о козакѣ и его жизни: здѣсь представлялся мнѣ козакъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Завидно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустно, положеніе человѣка, живущаго постоянно въ опасности!... Многіе ли изъ насъ знаютъ тѣ тяжкія ночи, какія козаку приходится проводить почти постоянно сторожа себя и семейство.

Съ такими мыслями пробѣжалъ я мимо вышки, которая, какъ нарочно, такъ плачевно смотрѣла на меня... Мнѣ стало грустно, потому что я знаю Черноморца и жизнь его... Подѣхавъ къ маленькому бекету, гдѣ была назначена переправа, мы остановились. Около стоялъ паромъ и я хотѣлъ было уже вѣхатъ на него, какъ вдругъ звуки кореннаго малороссійскаго языка, пронесенные сильнымъ и пріятнымъ голосомъ, заставили меня остановиться.

Живая и разнообразная картина представилась новѣ глазамъ; у самаго бекета колыбалась на рѣкѣ лодочка (каюкъ), въ ней сидѣлъ крошечный козаченокъ и съ дѣтскою беззаботностію полоскался рученкой въ водѣ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега стояла телѣга; подлѣ нея, на землѣ, сидѣла молодая и очень красивая женщина, держа на рукахъ груднаго младенца; облокотившись на телѣгу, стоялъ высокій, стройный, черноокий, черноусый черноморскій козакъ, въ желтой черкескѣ, туго пережатой ремнемъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ.

Нѣсколько козаковъ, молодыхъ и старыхъ, съ типическими красивыми малороссійскими лицами, дополняли картинную группу. Между ними шелъ горячій разговоръ, и видно очень интересный, судя по живости рѣчей Малороссіянъ, которые не любятъ горячиться изъ-за пустяковъ. Заинтересованный жаркимъ козацкимъ споромъ, я соскочилъ съ лошади, приблизился на нѣсколько шаговъ къ занимательному кружку, набросивъ заблаговременно на свою фуражку съ кокардой башлыкъ, чтобы не тревожить ихъ своимъ присутствіемъ; бурка скрывала остальной мой костюмъ.

— Якъ забрали? звѣстно якъ беруть...

— Да що ти кажешь! Да цежь зовсімъ не такъ було. Отъ дядько Михайло, такъ це діло знае, бо самъ бувъ на кардоні.

— Расскажи намъ дядьку, ми тобі вси повіримо, ти звѣсно, якъ що скажешь, то такъ воно й було.

— Якъ рассказать, то й рассказать! сказалъ протяжно старикъ высокаго роста, котораго длинные сѣдые усы совсѣмъ почти закрывали нижнюю половину лица (*).

Несмотря на лѣта, энергія еще ярко блистала въ его глазахъ, подъ нависшими сѣдыми бровями. Все лицо его вообще было какъ-то сурово и спокойно. Насунутая на затылокъ папаха придавала ему что-то отчаянное, а туго стянутый широкій ремень на перехватѣ сообщалъ его фигурѣ стройность и молодцоватость не по лѣтамъ. Въ зубахъ у него торчала люлька (трубочка) съ коротенькимъ чубучкомъ; мускулистая рука сжимала штуцеръ...

(*) — Какъ забрали? извѣстно какъ беруть...

— Да что ты говоришь! Это совсѣмъ не такъ было. Вотъ дядюшка Михайло это діло знаетъ, онъ въ это время былъ на кардоні.

— Расскажи намъ, дядюшка, мы всѣ тебѣ повѣримъ, извѣстно, что какъ ты что скажешь, то такъ оно и было.

— Рассказывать, такъ рассказывать!

Это былъ пластунъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Я душевно жалѣлъ, что не живописецъ: дорого быдалъ въ эту минуту за возможность передать на бумагу черты этой типической козацкой физиономіи. Онъ началъ разсказъ довольно вяло и сухо, изрѣдка пріостанавливаясь, чтобы потянуть изъ трубки...

Разумѣется, разсказъ его былъ на чистомъ малороссійскомъ языкѣ, и передавая его на великорусскомъ, онъ много потеряетъ той прелести, вѣрности и даже романтизма, которые выразились въ малороссійскомъ простомъ, но сердечномъ разсказѣ. Къ сожалѣнію, не всѣ понимаютъ этотъ поэтической языкъ и даже нѣкоторые называютъ его варварскимъ (*).

— Давно ли это было? началъ старикъ:—да лѣтъ двадцать назадъ, около Ольгинскаго поста... въ Красномъ лѣсу... Это случилось мною, только что воротились мы изъ похода и наши баталіоны стали по линіи. Зима была не слишкомъ холодная, но все-таки Кубань стала. Къ намъ собрали еще на помощь со всей Черноморіи почти столько же козаковъ, сколько всегда стоитъ, то есть удвоили линію. Я и тогда пластуновалъ, какъ и теперь. И вотъ, однажды, на рождественскіе праздники, вменно въ какой день не помню, я, вмѣстѣ съ Никитою Головачемъ, былъ въ залогѣ (**).

Тутъ старикъ вздохнулъ, потянулъ сильнѣе изъ трубки, и, подумавъ не много, продолжалъ:

— Тяжело вспомнить эту ночь... Вѣтеръ былъ сильный, ночь темная, въ пяти, шести шагахъ ничего нельзя было разобрать. Мы лежали и мерзли, вѣтеръ продувалъ до костей, — просто была бѣда, пальцы на ногахъ того и гляди что отмерзнуть.

«— Что, братъ Никита, сказалъ я: — видно придется замерзнуть?»

«— Отъ чего? отвѣчалъ онъ.

«— Да у меня кости трясця трясе (***)».

«— Ничего, у меня есть водка, — такія ли, бывало, приходилось протаивать ночи намъ съ тобой, да и то не пропадали... вотъ Богъ знаетъ что вздумалъ. На, выпей,

(*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ рецензентъ, разбирая сочиненія знаменитаго малороссійскаго писателя Тараса Шевченко, сказалъ, что если бы онъ писалъ не на этомъ варварскомъ языкѣ, то былъ бы однимъ изъ лучшихъ поэтовъ.

(**) Въ секретѣ.

(***) Лихорадка бьетъ.

пройдетъ,—да смотри со страху далеко не забирайся, а то хуже будетъ.

«Глотнувъ раза два, я передалъ Никитѣ, онъ тоже не отказался, и у насъ, какъ будто, стало веселѣй на сердцѣ.

«— А що, брате Михайло (*), шо наши жинки поробляють, на бутъ жартують змоскалями, кохаютьця, жирують?»

«— А може й плачуть, сказалъ я:—вспоминаючи объ насъ.

«— Ну чи ни ма ще чего выдумать?.. разсердившись пробурчавъ винъ:—чи видно діло, щобъ москаль не сбивъ съ толку козаковой жинки... Вже хоть и добрый человекъ, да москаль,—такъ и поминай якъ звали!...

«Но тутъ вълѣсу трахъ, трахъ! Мы схватились—и къ лѣсу...

«Бѣжать намъ было версты полторы, такъ мы ударились напрямкомъ по надъ рѣчкою, чтобъ въ случаѣ во время добѣжать и перенять (перерѣзать путь) проклятымъ масувирамъ (Черкесамъ). Слышимъ, уже выстрѣлы ясно, да и крики до насъ долетаютъ... Ура!... Ура!... закричали мы, когда наткнулись человекъ на шесть Черкесовъ и примкнули штыки».

Здѣсь старикъ, какъ бы вдругъ переродясь, принялъ грозный видъ и схватилъ штуцеръ на руку.

«Нельзя было стрѣлять; жалко было патронъ терять попусту,—продолжалъ онъ:—мы бросились на ура. Я уже одного наткнулъ на штыкъ, а Никита другого.

«Въ это время, какъ нарочно, вѣтромъ разнесло тучу и мѣсяцъ вышелъ полный, ясный.

«Глядимъ, кругомъ насъ Черкесы, а между ними наши люди, связанные, ободранные... ихъ тащили за Кубань...

«Согрѣшилъ я тогда передъ Господомъ: проклялъ я и мѣсяцъ, проклялъ я и глаза свои, за чѣмъ я вижу такъ ясно, вижу мою жену и есаульшу, и дѣтокъ и отца».

У старика катились слезы, блѣдность покрыла мужественное лицо, тоска болѣзненно выразилась на немъ.

— Такъ и вашу жену увезли вмѣстѣ съ есаульшой?! вскричало нѣсколько голосовъ изъ слушателей, заинтересованныхъ и

(*) Что, братъ Михайла? Какъ ты думаешь, что наши жены дѣлають, вѣрно, шалать съ солдатами, любезничаютъ, сластничаютъ.

— А можетъ быть и плачуть, вспоминая насъ.

— Вотъ что выдумалъ, разсердившись проворчалъ онъ:—ну виданное ли діло, чтобы солдатъ не совратилъ съ пути истиннаго жену козака, будь онъ хоть и добрый человекъ, да только солдатъ—такъ и поминай, какъ звали.

сочувствовавшихъ старику... Каждый изъ предстоящихъ могъ ожидать подобной участи, а потому каждый приучалъ себя къ той мысли, что чужое горе могло каждый день сдѣлаться его собственнымъ.

Отерши слезы, старикъ началъ набивать трубку и упорно молчалъ; наконецъ просьбы всѣхъ заставили его продолжать, только, какъ было видно, рассказъ этотъ очень разстраивалъ его...

Потянувъ сильнѣе обыкновеннаго изъ коротенькаго чубучка, старикъ продолжалъ.

«Богъ ли меня поддержалъ, или я еще крѣпокъ былъ, да и молодъ, но только случись это теперь, не выдержалъ бы, умеръ бы, ей-Богу умеръ бы! Какъ же, сквозь слезы продолжалъ старикъ:—сына роднаго, сына при мнѣ разорвали, а? разорвали! за ножки разорвали... Ктобъ выжилъ? спрашиваю!

Тутъ у Михайлы глаза разгорѣлись, злая улыбка обезобразила его лицо, и онъ заскрежеталъ зубами...

«Роднаго моего сына!»...

Старикъ помолчалъ нѣсколько, и, немного успокоившись, продолжалъ:

«Сразу не могли мы сообразить своего положенія, потому что нечаянно попали въ толпу, но не были ею замѣчены.

«У меня и Никиты, какъ разъ на тотъ случай, головы были закрыты башлыками... братьевъ своихъ (козаковъ вообще) мы еще не видѣли и не знали, съ которой стороны они будутъ, но только сообразили, что Черкесамъ плохо, потому что они начали бить дѣтей и женщинъ и разбѣгаться въ разныя стороны... Тутъ я тихонько сказалъ Никитѣ, держись же подлѣ меня и не разлучайся до смерти! Вдругъ вижу какую то женщину, шагахъ въ семи не болѣе отъ меня; я сначала было и не узналъ, но раздрающій знакомый мнѣ голосъ сказалъ, что эта женщина — жена моя... Я бросился къ ней и ударилъ штыкомъ Черкеса, державшаго за ножку моего сына. Проколотый штыкомъ, онъ упалъ, а на мѣсто его явились другіе. Я перескочилъ черезъ жену, сталъ надъ нею, но въ эту самую минуту у меня передъ глазами промелькнули есаульша, моя сестра, мать и отецъ... Кровь прилила къ моей головѣ, — я кидался на право и на лѣво и помню только, что кричалъ : «это я, Михайло. Это я, Михайло»... Въ глазахъ потемнѣло, и я упалъ на землю...

Стонъ, вырвавшійся при послѣднихъ словахъ изъ груди старика, тронулъ меня до глубины души, и я готовъ былъ плакать вмѣстѣ съ нимъ. Нельзя было равнодушно слушать его и не почувствовать здѣсь горю ближняго.

«Когда я пришелъ въ себя, продолжалъ Михайло:—то уже былъ въ Ольгинскомъ посту и лежалъ въ казармѣ; около меня сидѣлъ Никита и мой отецъ. Я долго еще не понималъ своего положенія и хотѣлъ приподняться съ постели, но силы мои отказывались служить... Я только спросилъ: тату, вы живы?»

«— Слава Богу! отвѣчалъ отецъ:—слава Богу, все бы хорошо; вотъ только что ты боленъ, это меня беспокоитъ.

«— А жена?... а дѣти? спросилъ я.

«— Всѣ слава Богу здоровы, и дома ожидаютъ твоего выздоровленія...

«Я хотѣлъ перекреститься, поблагодарить Спасителя, но руки отказывались служить; тогда-то я почувствовалъ, что раненъ въ правую руку, а далѣе открылъ у себя рану въ головѣ и груди... Но это все ничего, счастье мое не миновалось, отецъ, мать, жена живы, и за то нужно благодарить Господа.

«— Да какъ же дѣло-то кончилось? спросилъ я у отца....

«— Черкесовъ много побили, и только часть ихъ успѣла бѣжать за Кубань; все имущество, которое они награбили, было отнято, только есаулыну увезли.

«— Когда ты, раненый, упалъ, добавилъ Никита, то въ ту же минуту наши подбѣжали и кинулись на ура!... Черкесы удирать, а наши за ними, и гнались еще верстъ пять за Кубань... Я съ отцомъ твоимъ поднялъ тебя и принесли на постъ... а жена твоя... Тутъ онъ перевелъ духъ, и я не понималъ, что онъ хотѣлъ сказать—ушла домой съ матерью и сыномъ. Въ эту минуту я забылъ или былъ такъ слабъ, что и не сообразилъ, какъ жена могла меня оставить тогда, какъ я готовъ былъ умереть за песъ?

«На другой или на третій день меня отвезли въ Екатеринодарскій госпиталь, и я долго лежалъ, не зная, что дѣлается дома, страдая сердцемъ о своемъ семействѣ... Черезъ полтара или два мѣсяца, я кое какъ выпросился и меня выписали изъ госпиталя. Не смотря на то, что я былъ еще не совсѣмъ здоровъ, я бѣжалъ домой. Миѣ надобно было пройти верстъ около пятидесяти; вышелъ я въ полдень, а къ полночи былъ уже у воротъ и стучался въ хату... Собаки кинулись, залаяли, потомъ поджали хвосты, обнюхали и начали визжать, ласкаясь ко миѣ. Вдругъ слышу

голосъ отца моего... У меня замерло сердце отъ какого-то без-
причиннаго страха... Я былъ у порога отцовскаго дома; но мнѣ
стало скучнѣе, чѣмъ въ госпиталѣ.

«— Кто тамъ? кликнулъ отецъ.

«— Я, тату!...

«Отецъ скоро отперъ дверь и началъ цаловать меня.

«Вошли въ хату, зажгли свѣтло, а жена все не показывается.

«— Гдѣжь жинка? спрашиваю я у отца.

«— Синку... синку!... да какъ заплачетъ, какъ зарыдаеть.

«— Вы же говорили, что она дома, что жива!...

«— Убили, синку, убили!...

«Если бъ семь пожей воткнули мнѣ въ сердце и ворочали
нами; то и тогда я не испыталъ бы того мученья, которое почув-
ствовалъ при этой вѣсти.

«— А мама?

«— Убили!... простоналъ отецъ.

«— А сынъ?... сестра?

«— Убили... убили...

«Боже! что я испыталъ. Я хотѣлъ бѣжать за Кубань, рѣзать,
рѣзать и рѣзать!... Что со мной было потомъ, не знаю, и помню
только, что когда я очнулся на другой день, отецъ мой варилъ
уже обѣдъ. Тутъ все прошедшее припомнилъ я еще живѣе. Сле-
зы ручьемъ покатались изъ глазъ моихъ. Отецъ началъ утѣшать
меня, совѣтовалъ сходить въ церковь, отслужить панихиду по
усопшимъ, и только послѣдній совѣтъ пришелся мнѣ по душѣ:
я сдѣлалъ всё какъ слѣдовало и, помолившись Богу, пришелъ
домой... Пообѣдали; стали съ отцомъ совѣтоваться, какъ те-
перь намъ жить и что дѣлать... Онъ показывалъ мнѣ жениться,
чтобъ поддержать хозяйство, но я ей-Богу, какъ не хотѣлъ это-
го... Нѣтъ, говорю я отцу, пойду я еще послужу, авось, Богъ
дастъ, пробойдаюсь какъ нибудъ и будетъ легче; тогда поду-
маемъ.

«И помолившись святымъ иконамъ, попрощавшись съ отцомъ,
пошелъ я къ Ольгинскому кордону.»

Старикъ остановился, запряталъ люльку въ карманъ, по-
крутилъ усы и продолжалъ: «ужь рассказывать, такъ рассказы-
вать все до конца.

«Прошло лѣто, настала опять зима, холодная, завирушистая,
просто бѣда; я назначенъ былъ въ конные пластуны и былъ ор-
динарнымъ (вѣстовымъ) при постовомъ начальникѣ.

«Сотникъ былъ молодець, храбрый, добрый, только одно мнѣ не нравилось, что водилъ съ Черкесней всякое знакомство, и къ нимъ ѣздилъ, и къ нему пріѣзжали. Дарилъ онъ ихъ всѣмъ, и они не оставляли его безъ подарковъ. Разъ сижу я, да и думаю, что можетъ быть жена мол еще и жива. Можетъ она въ горахъ страдаетъ у какого нибудь невири... А что, думаю, попрошу сотника, пусть прикажетъ разузнать объ этомъ. Вотъ и попросилъ; сотникъ спрашиваетъ, какъ ее зовутъ? Ганна...

«Прошло времени довольно, я думаю мѣсяца три; пріѣзжаетъ въ одно утро Черкесъ, звали его Тугузъ; я его самъ еще и проводилъ къ сотнику; поговорили это они, сотникъ и кричить: позвать ко мнѣ Михайла, а я стоялъ уже около порога, да и ожидалъ чего-то, словно тутъ судьбы моей выходило рѣшенье, словно сердце чуяло, что и для него есть вѣсточка.

«— Я здѣсь, отвѣчалъ я.

«— Поди сюда!

«Вотъ я вошелъ въ комнату, а тамъ сидитъ Тугузъ и водку пьютъ.

«— Знаешь ли, сказалъ сотникъ:—жена твоя жива и здорова, она теперь верстахъ въ 30 отсюда, у Черкеса Бегоза, и мать твоя тамъ и сестра, и всѣ живы!

«Какъ сказалъ это сотникъ, я и не знаю, что со мной сдѣлалось,—схватилъ я сотника, да началъ цаловать, а потомъ до того ошеломѣлъ, что даже и Тугуза поцаловалъ, ну, значить, ужь крѣпко обрадовался, когда Черкеса за человекъ принялъ... А потомъ какъ вспомнилъ, что она еще не здѣсь, а въ горахъ, что трудно будетъ ее выручить, я заплакалъ, крѣпко заплакалъ... Сотникъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на меня, да и говорить:

«— Ну, что ты плачешь! Тугузъ согласенъ взять тебя съ собой и провести туда, гдѣ жена, мать и сестра твоя, а объ остальномъ, какъ провести ихъ назадъ, самъ позаботься.

«— Ваше благородіе, закричалъ я:—вѣчно буду Бога молить, если вы позволите только пройти мнѣ въ горы, а вамъ за меня Богъ порукой, что возвращусь непременно.

«— Слушай, сказалъ сотникъ:—тамъ, въ томъ же аулѣ, и жена нашего есаула, такъ надо и ее освободить.

«— Всѣхъ, кого хотите и какъ хотите, ваше благородіе, лишь бы освободить мою жену....

«— Вечеромъ ты подучишь приказанія, теперь отправляйся и ложись спать.

«Воротился я домой,—такъ нѣтъ, такъ и подмываетъ меня подѣлиться съ кѣмъ нибудь своей радостью. Дай, думаю, пойду къ Никитѣ, расскажу ему все. Онъ малый не болтливый—можно. Пошелъ, разеказалъ. Никита мой тоже словно помолодѣлъ отъ этой вѣсти.

«— И я, братъ, пойду съ тобой, все лишникъ двѣ руки не мѣшаетъ; попрошусь у сотника,—онъ отпустить.

«— Спасибо, брате мій, друже мій!... и мы поцаловались.

«Только что начало смеркаться, призвалъ къ себѣ меня сотникъ.

«— Слушай, Михайло, сказалъ онъ: — я пойду съ тобою, только, чтобы никто не зналъ объ отлучкѣ моей съ поста, чтобы это было между нами.

«— Какъ? Вы сами пойдете, ваше благородіе! вскричалъ я: помилуйте!...

«— Молчи и дѣлай то, что велятъ,—мы не пойдѣмъ, а поѣдемъ верхомъ и возьмемъ еще Никиту съ собою,—насъ будетъ трое, да Тугузъ четвертый—довольно!

«— Никита самъ хотѣлъ проситься, вскричалъ я съ радостью.

«— А ты успѣлъ разболтать ему,—ахъ ты баба этакая!

«— Помилуйте, ваше благородіе, такую-то радость!

«— Ну хорошо; только другимъ не болтай,—черезъ часъ мы ѣдемъ.

«До аула было верстъ тридцать, а намъ нужно было сдѣлать поѣздку эту въ одну ночь и съ разсвѣтомъ вернуться въ кордонъ.

«Выѣхали.... Вѣтеръ становился сильнѣе и сильнѣе; метель была такая, что едва можно было усидѣть на лошади.... Но это Богъ посылаетъ намъ милость; только въ такую погоду и можно было ожидать благополучнаго окончанія дѣла.

«Переѣхавши Кубань, мы остановились на минутку, осмотрѣли подпруги и, перекрестившись, поѣхали далѣе.

«Не смотря на погоду, мы, казалось, ни разу не сбились съ дороги.

«— Стой! сказалъ Тугузъ по-черкески, когда мы вѣхали въ густой лѣсъ: — я поѣду впередъ, разузнаю дорогу, а то что-то кажется плоховато...

«— А что, братъ Михайло, сказалъ сотникъ, обращаясь ко мнѣ: — ты слышишь, что говорить Тугузъ, что мы съ дороги сбились.

«Меня такъ варомъ и обдало. Что, думаю, если мы сбились съ дороги? Если мы не попадемъ въ аулъ? все пропало... Жена, жена! простоналъ я, почти во весь голосъ.

«— Тише, Михайло, закричалъ на меня сотникъ: — ты испортишь всё дѣло своей бабьей натурой:

«Мнѣ и въ самомъ дѣлѣ стало совѣстно себя, что я, козакъ, пластунъ, а такую слабую натуру имѣю: чужихъ—рѣжу, а вспоминая о своихъ—плачу.

«Тугузъ скоро возвратился съ пріятнымъ извѣстіемъ, что мы на прямомъ пути въ аулъ, и у меня не много отлегло отъ сердца.

«Тихой стопой продавливали лошади снѣгъ, а шумъ и трескъ густаго лѣса заглушили бы не только крадущихся охотниковъ, но и огромнѣйшій отрядъ... Впереди ѣхалъ Тугузъ, сзади его Никита, потомъ сотникъ и наконецъ я. Вдругъ Тугузъ остановился...

«Никита пискнулъ (*); сотникъ и я задержали лошадей и начали прислушиваться.

«Кто не пріучилъ уха къ малѣйшему шуму, какъ мы пластуны, тотъ засмѣялся бы надъ нами, потому что трескъ деревьевъ и вой вѣтра отнимали всякую возможность слышать вдали походку или поѣздъ.

«Но ухо мое хорошо слышало и отдаленный говоръ, и ржаніе коня, и даже тихую его поступь. Когда бы я рассказалъ это москалямъ, такъ они не повѣрили бы; но каждый изъ васъ знаетъ, хоть сколько нибудь, нашу жизнь, и потому не удивится тому, что услышитъ отъ меня дальше. Я потому хочу рассказать подробно, что всякому изъ васъ вѣрно прійдется быть въ подобномъ положеніи, и то, что онъ услышитъ отъ стараго пластуна, можетъ быть, на что и згодится.

«Еще два раза пискнулъ Никита, и мы соскочили съ лошадей... Сотникъ и я тотчасъ отдали ихъ Тугузу, который быстро поворотилъ въ лѣсъ, а мы поспѣшно ушли за деревьями.

(*) У пластуновъ есть свои особенные сигналы въ то время, когда они бываютъ въ набѣгахъ отрядами въ нѣсколько человекъ. Когда пластунъ производитъ пискъ, подобный тому, какъ вучеръ понуждаетъ лошадь, только гораздо тише, то это значитъ, что надобно быть осторожнымъ. Пластуны легко подражаютъ крику и бѣгу звѣрей, и во время своихъ путешествій, которыя теперь стали рѣже, потому что начальство запрещаетъ, избираютъ себѣ сигналы для оклика другъ друга; такъ же даютъ знать о себѣ походкой, подражая походкамъ звѣрей.

Никита же, проскакавши назадъ, возвратился и направился тихо противъ ѣдущихъ горцевъ.

«— Теперь не выманишь проклятыхъ собакъ, они позабылись въ теплыя сакли и отдыхаютъ съ своими невѣрными женами, говорилъ по-черкески одинъ изъ всадниковъ.

«— Ну, не говори такъ, перебилъ другой:—а лучше вспомни прошлый годъ, какъ поподчивали насъ, а вѣдь погода была ничуть не лучше...

«— Тсъ—стой! кто-то ѣдетъ, добавилъ онъ въ полголоса.

«Всадники остановились и тѣни ихъ упали на бѣлый снѣгъ.

«— Кто ѣдетъ! закричалъ одинъ изъ нихъ...

«Никита не отвѣчалъ и медленно продолжалъ подвигаться впередъ...

«— Кто ѣдетъ? повторилъ тотъ же голосъ.

«Никита отвѣчалъ по черкески: тебѣ что за дѣло, всякій правѣрный ѣздитъ, куда и какъ хочеть, и ненамѣренъ отдавать отчета никому.

«— Ну такъ мы узнаемъ отъ тебя другимъ средствомъ! и винтовка блеснула сквозь темный покровъ ночи...

«Мы были близко... Успѣвши подползть во время переговоровъ Никиты съ Черкесами почти на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, но боясь сдѣлать тревогу при открытіи пальбы, мы кабаньей ходой пробѣжали по опушкѣ, и уже равнялись съ ними, какъ раздался выстрѣлъ изъ винтовки, и Никита свалился съ сѣдла. Въ одну минуту Черкесы соскочили съ лошадей и бросились на убитаго... Этого только намъ и нужно было. Когда они, схвативъ за узду лошадь, занялись около него, то какъ бы по командѣ, мы бросились и почти въ одно время ударили кинжалами сзади. Въ ту самую минуту, когда горцы, лишенные силъ, падали на землю, схватился Никита и захохоталъ во все горло, такъ, что хотя я и не трусливаго десятка, но перепугался, думая, что это послѣдній смѣхъ въ его жизни. Я и сотникъ рассчитывали, что Никита убитъ; но мы обманулись, и не смотри на то, что я старый уже пластунъ, но всё таки не ожидалъ отъ него такой ловкости. А онъ, видите ли, нарочно!... Когда Черкесъ выстрѣлилъ, онъ хлопъ объ землю, притворился мертвымъ, они съ лошадей долой, а сзади ихъ и накрыли.

«—Что дѣлать теперь! Сказалъ сотникъ, запрячемъ ихъ здѣсь, а ѣхавши на разсвѣтъ назадъ, заберемъ...

«— Это будетъ ладно, ваше благородіе, отвѣчали мы въ одинъ голосъ... Сотникъ свиснулъ, вдали послышался какъ бы легкій отголосокъ и чрезъ нѣсколько времени возвратился Тугузъ съ лошадьми. Онъ осмотрѣлъ Черкесовъ, поговорилъ съ ними и подошедши къ намъ, сказалъ: что они отчаянные плуты, что были въ прошедшій годъ въ Красномъ лѣсу. Это шайтаны (*), которыхъ надо убить, добавилъ онъ.

«— Но можетъ быть лучше ихъ связать, сказалъ сотникъ:— они пригодятся намъ и въ своей землѣ.

«— Ты хочешь, чтобъ мы погибли, такъ оставь, пусть живутъ! отвѣчалъ сердито Тугузъ.

«— Ну, такъ убей самъ, а мы не хотимъ быть разбойниками... Въ минуту опасности мы не прочь лишитъ ихъ жизни; но теперъ, рѣзать беззащитныхъ, мы не въ состояніи...

«— Плохой ты человѣкъ, хоть и джигитъ; развѣ я убилъ бы ихъ, еслибъ не дорожилъ, какъ твоей, такъ и своей жизнію больше, нежели жизнію этихъ собакъ...

«Тугузъ выхватилъ кинжалъ и, не смотря на стоны и вопли несчастныхъ, погрузилъ острое лезвіе его въ тѣло страдальцевъ. За пятымъ или шестымъ разомъ погруженія кинжала, одинъ изъ горцевъ предъ смертію простоналъ: «помни, Тугузъ, ты убилъ роднаго брата, ты не сжалился надъ его мольбами... Да не отверзятся врата Магомета предъ тобою... Да не вкусишь ты сладости загробной жизни... на седьмомъ небѣ среди обѣщанныхъ пророкомъ гурій... да будь ты проклятъ...» Тугузъ не много пріостановился, но какъ бы для того только, чтобъ выслушать проклятія брата...

«Надо вамъ сказать, что въ то время, когда Тугузъ говорилъ съ ранеными собратами, онъ, наклонившись къ одному изъ нихъ, что то долго шепталъ. Какъ могу догадываться, онъ, вѣроятно, узнавъ своего брата и услышавъ просьбы его, обманывалъ его, что упроситъ насъ оставить ему жизнь; но потомъ, отозвавъ сотника, онъ требовалъ непременно смерти обоихъ... Почему онъ былъ озлобленъ противъ роднаго брата, для меня осталось тайной. Но вѣрно не даромъ: вѣрно любили одну дѣвку.

«Обобравъ оружіе и замѣнивъ своихъ лошадей черкесскими, которыя оказались лучше нашихъ, мы перетасили въ чашу лѣса тѣла убитыхъ и отирались дальше.

(*) Черти.

«Погода утихла и даже мѣсяцъ изрѣдка проглядывалъ изъ-за темныхъ тучъ, и хотя не ясно, но все таки освѣщалъ намъ узенькую и извилистую дорожку и ближайшія окрестности.

«На-право и на-лѣво открывались большія и маленькія поляны, покрытыя, то рослыми дубами, то густымъ кустарникомъ, сквозь который въ дали видѣлись туманныя горы.

«Наконецъ мы выѣхали на поляну совершенно чистую и подъ лѣсомъ могли уже различать какъ бы въ туманѣ тѣнь аула, въ которомъ тогда были наши плѣнницы. Забилось мое сердце. «Такъ близко,—думалъ я, а можетъ быть не придется и увидѣть ихъ, моихъ родныхъ; такъ близко, а сердце жены, можетъ, и не чувствуетъ моего присутствія, а можетъ быть уже и въ живыхъ ея нѣтъ! Можетъ быть, кости ея уже тлѣютъ среди проклятыхъ невѣрныхъ...» И много кое чего передумалъ я, видя передъ собою темницу жены и тѣхъ, къ которымъ дорожка была бѣлая свѣтъ.

«— Стой! сказалъ Тугузъ:—теперь надо идти цѣшкомъ, чтобъ лучше подкрасться и не разбудить собакъ.»—«Дѣло! отвѣчалъ сотникъ:—только не здѣсь, а вошь за версту отсюда, въ томъ лѣсу, о которомъ мы съ тобою говорили.

«Пріѣхали къ лѣсу. Спѣшились... Съ лошадьми остался Никита, а мы въ-троемъ пошли къ аулу. Было уже за полночь, когда мы подошли къ нему... Надо было перелѣзть черезъ плетень и мы съ удвоеннымъ стараніемъ, со всевозможной осторожностью приступили къ дѣлу.

«Одинъ, другой, третій... кончили благополучно.

«Насъ, занесенныхъ снѣгомъ, трудно было примѣтить, а мягкій снѣгъ подъ ногами скрывалъ нашу походку.

«Собаки заснули крѣпко, забравшись отъ холода въ сѣно, и мы совершенно спокойно пробрались къ саклѣ, которая была уже очень близко отъ насъ.

«Вдругъ пискнулъ сотникъ, я быстро взглянулъ впередъ и, въ нѣсколькихъ шагахъ передъ собою, увидѣлъ горца, ведущаго въ поводу лошадь... Такъ какъ лѣсъ былъ рѣдокъ и невозможно было оставаться долго непримѣченными, то мы упали грудью внизъ и въ огромной кучѣ рыхлаго снѣга почти спрятались, а вновь падавшіе хлопья совершенно заровняли наши слѣды...

«Горецъ продолжалъ идти прямо, и еще нѣсколько шаговъ онъ непременно наступилъ бы на меня. Не теряя времени, я нѣ-

сколько приподнялся, чтобы вытянуть кинжалъ, и порзить имъ горца, но кинжала при мнѣ не оказалось, вѣроятно онъ былъ утерянъ мною во время суматохи на дорогѣ... Минуты сочтены, надо было на что нибудь рѣшиться, тѣмъ болѣе, что на меня вполне рассчитывали сотникъ и Тугузъ... Едва горецъ занесъ ногу, чтобъ наступить на меня, какъ я ударилъ его прикладомъ ружья. Онъ пошатнулся, но не упалъ. Ударъ былъ неудачный. Горецъ схватился за шашку, но едва замѣтилъ я это движеніе, какъ бросилъ ружье и, кинувшись со всего размаха, повисъ на его груди, и этимъ паденіемъ удержалъ движеніе рукъ, а сильнымъ ударомъ ноги подъ колѣно свалилъ его, и мы рухнули оба на землю. Не знаю, что было бы дальше, если бы сотникъ въ нѣсколько прыжковъ не достигъ меня, и ударомъ кинжала не прекратилъ жизни горца. Мы оставили его на мѣстѣ, прикрывъ слегка сѣгомъ и привязавъ лошадь къ дереву, чтобы она не побѣжала во дворъ и не надѣлала шуму, тихимъ, по удвоеннымъ шагамъ начали подходить къ саклѣ, въ которой жила жена моя и есаулыша.

«Какъ рассказать, какъ передать вамъ, дѣти мои, что я чувствовалъ въ это время... Голова ходила кругомъ и я былъ весь какъ на иголкахъ. Тутъ я узналъ, что такое страхъ, но боялся не за себя, а страшился неудачи.

«Опять пискнулъ Тугузъ, и мы остановились; это было уже во дворѣ, когда, перебравшись черезъ гумно, подошли подъ навѣсъ, гдѣ было много разнаго скота. Тугузъ прошелъ нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ поползъ, согнувшись въ дугу. Прошло нѣсколько минутъ, въ которыя я не помнилъ, живу ли я или нѣтъ.

«Что со мною дѣлалось? Это было одинъ только разъ въ моей жизни.

«Возвратившись, Тугузъ сказалъ, что женщины, обѣщавшей выйти къ нему, нѣтъ, что надо обождать, а что онъ отправится къ окну и какъ только можно будетъ идти намъ къ саклѣ, то онъ дастъ знать. Прошло около часу, нѣтъ Тугуза, и въ аулѣ все спитъ мертвымъ сномъ. Пойду я къ саклѣ, можетъ быть узнаю, гдѣ и что дѣлаетъ Тугузъ.

«— Иди, сказалъ сотникъ.

«— Прижавшись къ плетню, поползъ я къ самой саклѣ и остановился у одного окошечка... Боже! такъ близко!...

«У меня голова закружилась, въ глазахъ потемнѣло, я ухватился за оконную задвижку, хотѣлъ было оторвать ее, и закричать Ганнуся! Ганнуся! сердце мое... я здѣсь, бѣги сюда, бѣги!... Но слава Богу, какъ-то я удержался отъ этого искушенія и поползъ далѣе вокругъ сакли. На другомъ концѣ ея я замѣтилъ человѣческую фигуру; подползши ближе, я узналъ Тугуза, который и не слышалъ, какъ я къ нему подобрался.

«— Онъ сидѣлъ, поджавши ноги и закутавшись въ бурку.

«— Что? спросилъ я у него испотомъ.

«— Тс... отвѣчалъ онъ:—кажется сегодня не будетъ ничего...

«— Значить никогда, подумалъ я... А такъ близко, такъ казалось возможно...

«— Что же теперь дѣлать? Неужели мы воротимся и оставимъ наше дѣло не оконченнымъ? почти заплакавъ, прошепталъ я.

«— Еще пробудемъ здѣсь нѣсколько, а если и въ это время не выйдетъ дѣвка, такъ поѣдемъ ко мнѣ въ аулъ и тамъ потолкуемъ, что сдѣлать: Все это Тугузъ говорилъ по-черкески, такъ что я едва могъ разбирать его проклятую мову (*). Посидѣли еще нѣсколько времени подъ саклей: не выходитъ проклятая... Рѣшились извѣстить объ этомъ сотника. Трудно было мнѣ отойти отъ сакли, въ которой страдала жена моя; но долѣе оставаться было невозможно. Скрѣпя сердце, я отправился за Тугузомъ къ скотному навѣсу.

«— Ну, чтожь дѣлать! сказалъ сотникъ, нельзя, такъ и нельзя! будемъ почевать у тебя, Тугузъ. Нечего терять времени, съ Богомъ!...

«— А тѣла, добавилъ онъ:—надо прибрать и запрятать, а то бѣда будетъ.

«— Хунъ! хунъ! (*) прошепталъ Тугузъ: — а я было объ нихъ и позабылъ.

«Снова поѣхали мы по той же дорогѣ, но на сердцѣ у меня не было уже того счастья, какъ прежде, словно отняли у меня все, чѣмъ отличался пластунъ: ѣхалъ я потупя голову, сердце притихло и, казалось, не могъ бы теперь не только нападать, но и защищаться. Вотъ когда сдѣлался я взаправду бабой... Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ сакли, я остановился... Смѣла и храбрость ко мнѣ возвратились; голову охватило огнемъ, я рѣшалъ

(*) Разговоръ, рѣчь.

(*) Хорошо! хорошо!

ся... оставить сотника и Тугуза, броситься къ саклѣ, разломать дверь, спасти жену или умереть вмѣстѣ съ нею... Я уже готовъ былъ исполнить на дѣлѣ свое безумное намѣреніе, уже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, но сотникъ удержалъ меня...

«— Ты куда?... ступай впередъ и не смѣй ни на минуту оставаться. Не на шутку разгнѣвался сотникъ, сердитый голосъ его заставилъ меня повиноваться, и я, скрѣпя сердце, пошелъ впередъ, какъ было приказано.

«Убитаго на огородахъ Черкеса затащили въ кусты и бросали снѣгомъ, а оружіе и лошадь взяли съ собою.

«Уже не много времени оставалось до разсвѣта; намъ надо было еще запрятать двухъ Черкесовъ, а мѣсто, гдѣ мы оставили ихъ, было не менѣе какъ въ семи верстахъ.

«Почти бѣгомъ добрались мы до лѣса, въ которомъ ожидалъ насъ Шикита; усѣвшись на коней, понеслись мы *во весь духъ*. Прискакали, забрали тѣла, затащили подальше въ лѣсъ и въ густомъ, примѣтномъ для насъ кустарникѣ, завалили снѣгомъ.

«Взявъ оружіе и лошадей, мы снова поскакали темнымъ лѣсомъ, гдѣ едва проникалъ свѣтъ.

«Не смотря на гущину, мы не уменьшали бѣга лошадей, вѣтви деревьевъ царапали намъ лица и рвали платье.

«Еще не разсвѣло, какъ мы подѣхали къ Тугузовой саклѣ; черезъ огородъ пробрались въ нее и расположились на отдыхъ, рѣшивъ прежде вечеромъ снова пробраться въ аулъ.

«Отдыхъ не шелъ мнѣ на умъ.

«Во время ѣзды, еще занятый общею опасностію, я нѣсколько забывался; но въ саклѣ, когда я сидѣлъ спокойно, почти въ безопасности, когда думы одна другой чернѣе охватывали мою голову, мнѣ становилось такъ горько, что не дай Богъ того и врагу моему.

«Тугузъ бѣгалъ, суетился, угощалъ, примѣрно какъ это и у насъ, православныхъ, дѣлается.

«— Не до ѣды мнѣ было! Я только молилъ Бога, какъ бы поскорѣй прошелъ день, чтобы ѣхать опять въ аулъ попытать счастья. Наконецъ пообѣдали; Тугузъ отправился въ аулъ уговориться съ женщиною, которая должна была передать нашимъ плѣнницамъ, что мы будемъ.

«Цѣлый день маялся, не зналъ, какъ время скоротать до его возвращенія. Наконецъ-то онъ воротился, сказавъ, что все бу-

деть устроено, какъ слѣдуетъ, что плѣнницы извѣщены и будутъ насъ ожидать....

«— Что, братъ, ты такъ возишься, не посидишь на мѣстѣ? сказалъ Никита.

«— Душа замираетъ!... Мнѣ кажется, что не придется больше видѣть Ганнусю... И погода, какъ нарочно, — ясная, и вѣтру нѣтъ, бѣда!...

«— Богъ милостивъ, авось дѣло какъ нибудь уладимъ, отвѣчалъ Никита.

«— Было часовъ десять вечера, когда мы, осмотрѣвши ружья и посѣдлавши коней, приготовлялись выѣхать изъ аула.

«Луна свѣтила, какъ днемъ, погода была тиха, отъ сильнаго мороза спѣгъ скрипѣлъ подъ ногою какъ черкесская арба (*).

«Не легко было въ эту ночь пробраться въ аулъ; сотникъ сначала старался отговорить меня отложить до темныхъ ночей освобожденіе плѣнницъ; но я не поддавался и, зная доброе сердце его, со слезами умолялъ рискнуть сегодня.

«— Ну, замолчи!... Ты на себя не похожъ сталъ, совершенно баба! если бы я не зналъ тебя и не видѣлъ прежде твоей удали, я бы считалъ тебя просто плаксою, а не пластуномъ. Теперь рѣшено, я ѣду, хоть бы пришлось пропасть всѣмъ, а я не отступлюсь ни на шагъ.

«Самъ я видѣлъ, что дѣло можетъ выйти дрянъ, но желаніе было сильнѣе воли. Рискъ былъ чрезвычайный, въ свѣтлую ночь являться въ аулъ; но рѣшено, — и слава Богу... Подѣхавъ почти на версту, мы спѣшились, и оставивъ Никиту съ лошадьми, правились къ завѣтной саклѣ.

«Мѣсяць, казалось, свѣтилъ яснѣе обыкновеннаго и спѣгъ подъ ногою скрипѣлъ такъ, что при всемъ желаніи скрыть себя, мы не могли: скрипъ далеко разносился, такъ, что сколько нибудь привыкшее ухо легко могло разслышать наши шаги. Вотъ мы у послѣдняго плетня... На скотномъ дворѣ... Сердце ныло, душа замирала, но мнѣ было веселѣе, чѣмъ вчера. Ружья вынуты изъ чахловъ: сотникъ и я попрежнему стоимъ, выжидаемъ возвращенія Тугуза.

«Какъ кошка, крадся онъ, остановился и прижался къ стѣнкѣ. Къ нему подошла человѣческая тѣнь и оба они, прислонившись къ стѣнѣ, исчезли изъ виду.

(*) Телѣга на двухъ колесахъ.

«Не выдержалъ я... Ползу, вотъ ближе, ближе, слышу шопоть... Сперва говорили что-то, какъ виднó, любовное, прерываемое поцалуйми, а потомъ дѣло дошло до нашихъ плѣнницъ... Какъ ни плохо понималъ я черкесскій языкъ, но разобралъ, что плѣнницы вѣйдуть, что въ домѣ, кромѣ женщинъ, никого нѣтъ, мужчины еще вчера всѣ развѣхались... Чуть ни вскричалъ я отъ радости; по сутки томленія приучили меня къ перенесенію самаго тяжкаго молчанія. Женщина, стоявшая съ Тугузомъ, простилась съ нимъ и тихо пошла къ саклѣ, съ осторожностью отворила дверь и скрылась.

«Я подползъ къ Тугузу, и онъ объяснилъ мнѣ, что намъ надо идти на огородъ и ожидать тамъ, покуда онъ не придетъ съ плѣнницами. Я не соглашался, но подползшій въ это время сотникъ рѣшилъ дѣло приказомъ.

«Время шло такъ долго, что полчаса ожиданія казались безконечностью. Но вотъ, слышу, тихо закрипѣлъ снѣгъ подъ осторожными шагами бѣглецовъ; треснулъ плетень... Сердце мое замерло, по тѣлу пробѣжалъ морозъ... Въ глазахъ отъ напряженія заискрило...

«Вотъ была минутка, такъ минутка... Такъ и рябитъ въ глазахъ, и Богъ знаетъ, что представляется... Вотъ подымается въ аулѣ суматоха, крикъ, шумъ, ловятъ мою жену, а я, дуракъ, стою въ огородѣ, какъ бы и съ мѣста сдвинуться не могу.

«Скрипъ снѣга увеличился, мелькнули тѣни; вотъ ближе, ближе, меня такъ и охватило огнемъ, такъ и рванулъ бы, да сотникъ стоитъ предо мною, и я не смѣю броситься навстрѣчу къ женѣ, которую, какъ мнѣ казалось, я уже начиналъ отличать отъ прочихъ приближающихся тѣней.

«— Слушай, Михайло, какъ я тебя ни люблю, сказалъ сотникъ:—но если ты промолвишь хоть одно слово, то уже пзвини. Никакихъ любезностей, все это послѣ, когда будемъ въ болѣе безопасномъ мѣстѣ.

«— Слушаю-съ! скрѣпя сердце отвѣчалъ я.

«Сотникъ былъ добрый, очень добрый человекъ, но если сердился, то пощады не давалъ никому. Я, скрѣпя сердце, поклялся себѣ не двигаться съ мѣста, не промолвить слова безъ приказанія его. Богъ знаетъ, что со мной дѣлалось, всегда я училъ всѣхъ, какъ пластуновать, а теперь вдругъ чисто мала дитина зробишься... Отъ що робить щира любовь... Нѣсколько шаговъ отдѣляетъ плѣнныхъ отъ насъ, вотъ и подошли... Признаюсь,

много надо было мужества, чтобы протерпѣть столько времени и не броситься къ женѣ; но я выдержалъ.

«Сотникъ тихо передалъ приказаніе относительно отступленія нашего, и мы, не произнеся ни слова, ни звука, осторожно начали прокрадываться лѣсомъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ Никита съ лошадьми. Почти каждые десять шаговъ мы останавливались и прислушивались, не идетъ ли ктонибудь.

«Теперь уже было совсѣмъ не то, какъ когда мы были одни: теперь на нашей отвѣтственности были женщины.

«Пришли къ мѣсту, гдѣ стоялъ Никита съ лошадьми. Я только что хотѣлъ вставить въ стремя ногу, какъ слышу сотникъ шепчетъ мнѣ:

«— Михайло! теперь можешь тихонько поцаловать жену свою.

«Душа моя чуть не выскочила отъ радости, я былъ болѣе, чѣмъ счастливъ... бросился къ женѣ... неожиданно раздавшійся крикъ малютки, котораго держала она на рукахъ и котораго я сначала не замѣтилъ, такъ какъ она была въ широкомъ черкескомъ платьѣ, поразилъ меня окончательно.

«— Такъ и сынъ живъ! закричалъ я не своимъ голосомъ.

«— Тс... тс... прошептали сотникъ и Никита.

«Я сдѣлался нѣмъ и въ одну минуту переродился; теперь болѣе, чѣмъ когда либо, дорожилъ я спасеніемъ жены и своимъ... у меня былъ живъ сынъ».

Старикъ грустно и тяжело вздохнулъ.

«Маленькій сынъ»... и старикъ посмотрѣлъ какъ-то печально, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько лукаво на кружечкѣ, слушавшій его, какъ будто въ послѣднихъ словахъ его было что-то поддѣльное. «Маленькій сынъ чуялъ уже опасность; онъ только разъ вскрикнулъ, чтобы обрадовать отца, а потомъ и стихъ, какъ бы понимая, что надо молчать...

«Мы находились шаговъ на сто отъ дороги, въ густомъ лѣсу, закрытомъ снизу кустарникомъ, и потому могли надѣяться, что проѣзжающіе насъ не замѣтятъ.

«Нѣсколько человѣкъ горцевъ полной ходой ѣхали по дорогѣ и разговаривали довольно громко и безопасно. Разговоръ прерывался смѣхомъ, а нѣкоторые изъ нихъ что-то напѣвали; видно было, что правовѣрные выпили достаточное количество бузы.

«— Какъ бы хотѣлось своротить головы этимъ пѣвунамъ, прошепталъ Никита.

«— Мовчи... не бачишь (*), сказалъ я, указывая на женщину.

«— Какъ не видѣть, вижу... досадно!

«— Тс... просычалъ сотникъ и мы перестали шептаться.

«Прошло нѣсколько минутъ, перестало слышаться трещанье сучьевъ и скрипъ снѣга, мы двинулись и почти полной рысью погнали лошадей; Тугузъ ѣхалъ впереди, за нимъ сотникъ, потомъ женщины и я, а сзади всѣхъ Никита.

Уже около двадцати верстъ проѣхали мы, а ничего нельзя было спросить жену, скорая ѣзда мѣшала, да и самъ-то я былъ перетревоженъ. — «Постой, сказалъ, нагоняя меня, Никита: — послушай, это за нами погоня...

«Вслушиваюсь... ясно... топотъ нѣсколькихъ лошадей. Остановили прочихъ, и рѣшили скакать сколько будетъ возможно, чтобы только отдѣлаться отъ перестрѣлки, которая затрудняла бы наше отступление съ женщинами.

«Поскакали... Да и насмѣшила жь меня баба моя... Я, взявъ у ней ребенка, приказывалъ держаться обѣими руками за луку, погналъ лошадей маршъ-маршъ, а она, боясь упасть, не привыкну къ верховой ѣздѣ, стала молить, лучше бросить ее, нежели скакать такъ. Да и не она одна, а всѣ бабы подняли было крикъ, ну да тутъ некогда было слушать ихъ...

«Никита, приостанавливаясь, каждый разъ кричалъ намъ, чтобы мы ускорили ѣзду, потому что погоня приближалась. Намъ оставалось нѣсколько верстъ до Кубани, а погоня была близко; вдругъ раздалась выстрѣлы... Женщины, окончательно перепуганныя, кричали, и положеніе наше становилось не завидно; удары нагаекъ ускорили бѣгъ лошадей; онѣ у насъ были таки-хорошія, и потому еще была надежда на спасеніе. Кордоны близко, но и Черкесы не далеко,—не болѣе какъ на пушечный выстрѣлъ.

«Горцы рассчитывали догнать насъ, но счастье было на нашей сторонѣ. Уже пули жужжали мимо ушей, и воздухъ оглашался рѣзкимъ гикомъ; приходила бѣда: помощи ожидать не отъ куда. Но нагайки сыпались чаще, лошади прищуливъ уши, неслись сильнѣй и сильнѣй...

«Мы спасены... Тугузъ ловко управлявъ ѣздой, молодецки выбиралъ дорогу; видно, не первина была ему, такое дѣло... Молодецъ!

(*) Мовчи... не видишь.

«— Эй!... Эй!.. хлопцы, закричалъ я, сколько было мочи, когда подѣхали мы къ берегу Кубани...

«Узнавъ мой голосъ, выскочили нѣсколько козаковъ, и поднялась тревога. На посту тоже засуетились и оттуда выскочили пѣшие и конные, и все это бѣжало къ намъ... Какъ весело было...

«Сдавъ бабъ одному изъ прискакавшихъ козаковъ, и приказавъ отвезти ихъ на постъ, я съ прочими братьями примкнулъ къ сотнику.

«— Заманите ихъ хлопцы, сказалъ сотникъ:—а я поскачу и приведу еще людей.

«Черкесы остановились отъ насъ на пушечный выстрѣлъ; мы разсыпались по лѣсу, и начали стрѣлять. Раздосадованные неудачной погоней, Черкесы собрались въ кучу и кинулись на насъ. Дѣло завязалось жаркое. Свѣтлая ночь, открывала намъ Горцевъ, которыхъ, какъ видно, было не менѣе ста человекъ, а насъ было не болѣе пятнадцати, и потому не ловко намъ было выѣзжать изъ лѣсу. Замѣтивъ, что мы не рѣшаемся вести открытое дѣло, Горцы догадались, что насъ мало, рѣшились забрать насъ и пустились прямо въ лѣсъ. Въ эту минуту сотникъ прискакалъ съ резервами, и они примкнули къ намъ.

«Шашки зазвенѣли, завизжали пистолетныя пули, и дѣло загорѣлось доброе. Горцы не удержались... Побѣжали... Слабо защищались и отстрѣливались они; мы ихъ гнали версты четыре или даже пять, и возвратились... Дѣло выиграно... нѣсколько тѣлъ черкесскихъ у насъ; только то больно было досадно, что проклятые сотника затронули, да слава Богу легко, пулею въ руку. Нашихъ козаковъ было четыре раненыхъ, да два убитыхъ.

«Возвратились... бросивъ коня посреди постоваго двора, я побѣжалъ въ казарму, чтобъ увидѣть жену и сына... Счастіе мое сбылось... Жена бросилась ко мнѣ, слезы радости полились у насъ.

«Мать, сестра повисли на шеѣ... я, казалось, былъ счастливъ...

«— Гдѣ же сынъ нашъ, Ганнуса?... спросилъ я, не видя у ней на рукахъ хлопца.

«— Убили, Михайло, убили!...

«— Когда? какъ? да вѣдь онъ былъ у тебя на рукахъ!... закричалъ я.

«— Это былъ сынъ есаульши, а нашъ еще прошлаго года убитъ тогда, какъ насъ полонили.

«— Такъ, значить, я обманулся, и чужое дитя порадовало мою душу...

«— Но Богъ милостивъ, сказала я съ женою въ одинъ голосъ... и перекрестились.

«Богъ и въ правду былъ милостивъ, далъ мнѣ сына, который и теперь живетъ мнѣ на радость.

«Благодареніе Богу, я теперь счастливъ».

Старикъ кончилъ, слушатели и не думали расходиться, а глядѣли на него съ такимъ живѣйшимъ участіемъ, съ такой любовью, уваженіемъ, какое рѣдко можно встрѣтить среди людей мирнаго класса; каждый изъ слушателей, если не почувствовалъ на дѣлѣ, то изъ подобныхъ разсказовъ зналъ, что такое жизнь пластуна—Черноморца!

— А что, понравился тебѣ этотъ разсказъ? спросилъ меня К...

— Да, послѣ этого, я признаюсь, что очень мало зналъ Черноморію, хотя и живу здѣсь нѣсколько лѣтъ:—теперь же я хорошо ознакомился и съ Черноморцемъ и съ его жизнію, и сочувствую ей вполне.

— Э, мой другъ, да вѣдь такіе случаи у насъ повторяются почти ежедневно; тотъ, который ты сейчасъ слышалъ, я называю будничнымъ, потому что въ немъ удали еще не много. Вотъ попроси моего отца, онъ тебѣ разкажетъ еще получше.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

1 го апрѣля 1859 года.

Царское Село.